

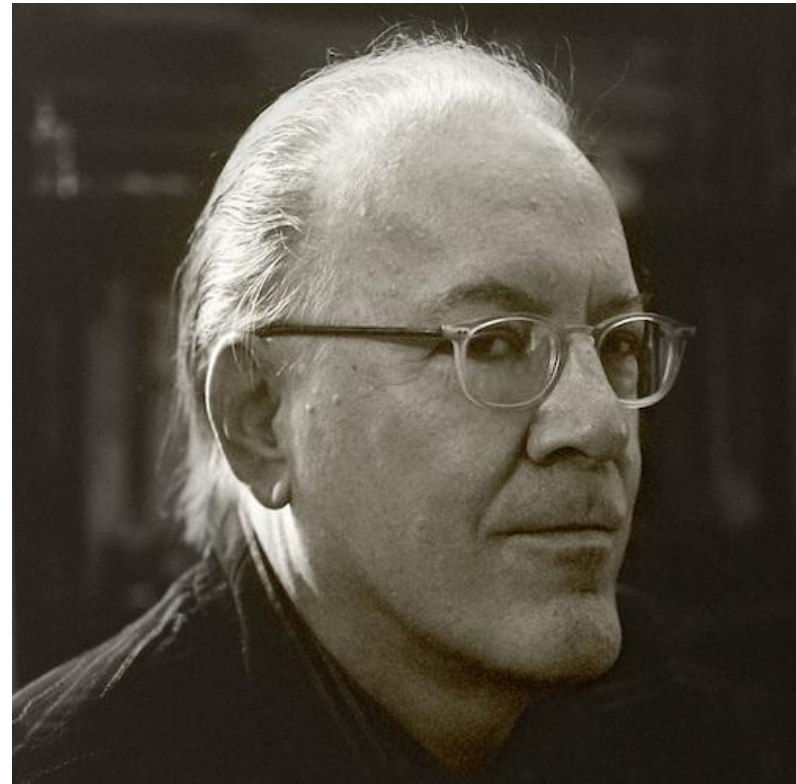

Аркадий Трофимович
Драгомощенко (АТД)
1946 - 2012

Charles Bernstein

Bruce Andrews

Языковая школа (Language poets)
Журнал «L=A=N=G=U=A=G=E»

Алексей Парщиков

1954 - 2009

А что такое море? - это свалка велосипедных рулей, а земля из-под ног укатила,
море - свалка всех словарей, только твердь язык проглотила.

А что такое песок? - это одежда без пуговиц, это края
вероятности быть избранным из миллиардов, сходных, как части пустыни.
Вот детям песок, пусть воздвигнут свои города-твердыни.

на второй день снегопада
я вспомнил
окно в другом доме
и так же тихо почти у глаз
проносился снег

...но это был всего лишь пасмурный день,
деревья были деревьями а мы сами собой
мы откуда-то возвращались и совершенно случайно наткнулись на сад
где женщина укачивала в коляске ребенка не придавая значения
голосу
да служитель собирал к сожжению листья —
безбрежная река белого дыма струилась между деревьями

Завод. Закат за.

Скользкие от дождя. Белое, вишни.

Трамвай рвет охапками ветви каштана.

В пыли голубоватой, за мостом вода.

Мальчик всем телом к теплой стене

трамвая снаружи, трудно изогнут. Ветви хлещут.

Искусство устойчивости. Труба. Колесо неба
вращает холодные летние спицы. Облака близко.

Таков список вещей, список иных элементов.

То, что открыто - и есть открыто,

не скрывая за собой ничего, -

(Список, не поддающийся сокращению).

Мы были такими же как вы,
но затем сердца наши ожесточились.

Ас- Сиддик

1

«Любовь моя»,
Я давно не слышал, как ты говоришь:
Вот еще весна,
еще одна весна,
и
мы постарели еще на год,
еще на одну зиму,
если вести летоисчисление
от осенних дней.
«Любовь моя»,
Стань у окна,
стань у раскрытого окна,
Или подойди ко мне — какая разница —
И
скажи:
наступила весна.
И пройдет она так быстро, что не успеем
заметить, как трепетный хмель
первой поросли
стал гулким золотом октября.
«Любовь моя, сестра моя...»

2

«Возлюбленная моя»,
Ты прохладна, как ветер, дующий перед дождем,
когда
наклоняешься
и
когда волосы твои сползают на мое лицо.

Как душа моя тех давних лет,
Стоишь
ты между двух яблонь, недавно побеленных.
Земля черна,
Где вскопана – парит. Червь легок в труде.
Еще голубовата на стволах известь,
Солнечное пятно на предплечье,
Несколько
капель влажного света
на прямых ресницах.
«Любовь моя», ты так близка.
Гордая девочка с темной мальчишеской
головой,
Стоящая
между двух яблонь весной,
В мире,
залитом великим однообразием
любви,
В
мире
благоклонного солнца и вечности.
Каждое наше мгновенье оттуда течет.
Каждый раз мы оба появляемся там.

В стремнине незамерзающего ножа
слово снег вскипает туманным облачком,
дуновением числа, уходящего в аркады
сводчатого расторжения.
В излучке губ странствует,
чередую вспышки золы с умолчанием угля.
Это вопрос, помещенный за имя чужой страны,
ищущий тщетно в ответе свое отражение.

Будто один-единственный знак, размыкающий узость
сводящего в тесноту острия, в стремнину
незамерзающего дуновения.
"Каким тебе впервые запомнился снег?"

К полуночной коже падающая ладонь.
Или пролитый сновидением мрак.
Плоскость - не имущая сторон,
воронка пристальности, вращающая крылами мельниц,

усечение окончаний страницей,
надорванной небыстрым взмахом.

В испарении радужном гласных
яснее осин островов основы осенних кристаллов,
как и ходьба, избывших корысть приумножения.
Муравьи в окне. Вода и небо единственные, кто
помнит либретто вечного возвращения,
сведенное к пористому афоризму.

Социальных пространств заброшенные плато,
где чернильные волосы, красный кирпич, бетон
молчаливы, считая виток за витком
проходящих в историю, как еще в одну зиму.

Беглым письмом истончается лист.
Оправдание шагу в
ежесекундно разрушаемом равновесии.
Подтеки желтого, охра, пурпур.
Различаешь осень и ночь звезды,
сокращенной к полюсу конструктивным принципом.
Субъект пейзажной лирики вынужден закаты глаза,
и, горе возведя, сказать о жаре —
она сходит на нет школьного льда
у кромки заиндеветевшего берега. Предполагается,
что это можно сравнить со многим. Впрочем,

распада нежные ткани ближе.
Мы ближе к разбитым кустам и временам сновидений,
к пустоши, читающей пальцами по векам смеженным
безначальной межи блуждание, дней уколы
(немеют мятой, чай стынет) — мятник,
умещенный в зрачке бесстрашного и бездонного яблока.

Трофиму К. Драгомощенко

Разве твоя в том вина? Моя? Говорят, скоро весна,
а тебе столько, сколько было всегда,

и к тому же — больше не снишься.

Ты ещё говорил в тот прошлый раз... Но что?

Что имеет значение? Говорить: мало этого? или же много?

Ни один горизонт не может быть так достоверен,
как прочерченный падением камня.

Что реки идут, набирая артериальную силу пространства?

Грамматика не выдерживает немоты, скола воды,
разреза рыбы, птичьего вопля из-за холма на рассвете?

Подводная чешуя, конечно, и плавники, тень, босые ноги.

И кто-то ещё, как клетки в арифметической длинной книжке.

Скоро лица почернеют от солнца. Действительно так.

А может, и хорошо, что так, — летом легче, летом
не нужно оборачиваться назад, и даже тени небытия
ищут прохладу в кострах дома, тая в стенах на этажах,
разодранных напроць корнями ореха, настурции, маттиолы.

Даже там, где были и куда возвращаться не нужно.

Милосерден мир. Потому вода волной, затоном после.

Не надо более возвращаться в грузное тело, втискиваться
к спящим мумиям сигарет, среди фигур вина,
теллурических книг, в зенит уставясь стоять оторопью слюды.

Не надо ни возвращаться,

ни покидать, когда бессонница, как дитя по разлуке,
оплетает безумием сердце. Неразумное,

ему говорят, «куда ты!», — ему говорят, — а оно,
точно тело, в прививках оспы, узлах переломов,
закатах оперных ран, в татуировках инверсий, а кто — зерна, когда
ничего не остаётся ни с ней, а только невнятные буквы,
магниевые льды скальпеля, и иное.